CZU: 159.923.2:316.35 **https://doi.org/10.59295/sum4(194)2025_12**

ПСИХОЛОГИЗАЦИЯ НОВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ: РИТОРИКА ИДЕНТИЧНОСТИ КАК СИМПТОМ ФАМИЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Ксения ГОНЧАРОВА,

Молдавский государственный университет

Представители современных общественных движений – феминизма, ЛГБТ-движения, экоактивизма – в своей риторике все чаще используют термин «идентичность». В статье исследуются причины и последствия использования современными общественными движениями психологического понятия при формулировке своих требований. Методологическую основу исследования составляют теория психологизации Яна де Воса и концепция психиатрической власти Мишеля Фуко. Взгляд через эту исследовательскую призму позволяет сформулировать следующие выводы: во-первых, новые общественные движения подвержены психологизации и руководствуются логикой психологического мышления, то есть свойственными психологии как культурному явлению представлениями об истине и реальности; во-вторых, несмотря на оппозицию власти и культуре, они используют схожие механизмы управления; в-третьих, следование психологическому мышлению приводит к идеологическим парадоксам внутри современных общественных движений.

Ключевые слова: *идентичность, новые общественные движения, феминизм, ЛГБТ, экологическое движение, психологизация, психиатрическая власть.*

PSYCHOLOGIZATION OF NEW SOCIAL MOVEMENTS: THE RHETORIC OF IDENTITY AS A SYMPTOM OF FAMILIAL POWER

Representatives of contemporary social movements – feminism, the LGBT movement, and eco-activism – increasingly employ the term “identity” in their rhetoric. The paper explores the causes and consequences of modern social movements using the psychological concept in formulating their demands. The methodological foundation of the study is based on Jan De Vos’s theory of psychologization and Michel Foucault’s concept of psychiatric power. Through this analytical lens, the following conclusions are drawn: first, new social movements are subject to psychologization and operate within the logic of psychological thinking, that is, by the notions of truth and reality inherent in psychology as a cultural phenomenon; second, despite their opposition to power and culture, they employ similar governance mechanisms; third, adherence to psychological thinking leads to ideological paradoxes within contemporary social movements.

Keywords: *identity, new social movements, feminism, LGBT, ecological movement, psychologization, psychiatric power.*

Введение

Термин «общественное движение» (social movement) появился в конце 60-х годов XX-го века и подразумевает коллективное выражение социокультурной реакции на преобладающую политическую и экономическую динамику [1, p. 2]. Значение понятия менялось вместе с историческими преобразованиями самих общественных движений. Как следствие, в академической литературе к концу XX-го века был представлен концепт «новые социальные движения» (new social movements) (А. Турен, А. Мелуччи, Ю. Хабермас, М. Кастельс, Р. Ингельхарт): они обращаются к новым видам борьбы, вокруг новых устремлений. К ним относятся, например, популярные сегодня феминизм, ЛГБТ-движение и экоактивизм, анализ классических работ которых позволяет увидеть частое обращение к термину «идентичность», используемого для придания значимости тому, что раннее было маркировано незначительным [2]. Однако сам факт использования понятия «идентичность» открывает важный исследовательский вопрос: почему именно термин из психологии стал инструментом

для формулировки требований общественной борьбы в современности? И в чем специфика мышления, которое скрывается за этими процессами?

Вариации этот вопроса затрагиваются рядом ученых. Так, М. Моран пишет, что «человек, обладающий идентичностью», − это исторически новая формулировка, которая подразумевает новый способ мышления [3, p. 34]. Вместе с тем, более развернутого исследования на эту тему не проведено, хотя зафиксированная Мораном трансформация способа мышления о самом себе у современного человека не может быть случайной. Как справедливо замечает Фуко, «знать − значит говорить так, как нужно, и так, как это предписывает определенный подход ума; говорить − значит знать нечто и руководствоваться тем образцом, который навязан окружающими людьми» [4, с. 120].

Методология исследования

Причины частого обращения общественных движений современности к слову «идентичность» определенно необходимо искать в той академической области, из которой это слово вышло в язык, а именно – в психологии и, следовательно, в той роли, которую играет психологическое знание в современном обществе. Именно поэтому в попытках ответить на поставленный вопрос использованы две методологических рамки.

Во-первых, теория психологизации Яна де Воса, которая рассматривает экспансию психологии в общественную риторику как частный случай глобального социального процесса − психологизации, то есть повышенного интереса современного общества к психологии и распространению психологических теорий и практик за пределами академической и клинической среды.

Во-вторых, концепция психиатрической власти М. Фуко, который сосредоточен на изучении внутренней логики мышления, оперирующего психологическими понятиями.

Психологизация современного общества: общая характеристика

Появление в академической литературе таких концептов, как «психологизация» (J. De Vos, J.G. Morawski, D. Simmons, M. Jarzombek), «терапитизация» (C. H. Sommers, S. Satel), «терапевтическая культура» (F. Furedi), фиксирует изменения, произошедшие в современном обществе: оно проявляет повышенный интерес к индивидуальным эмоциям и психологическим механизмам, что привело к распространению психологических теорий и практик не только в академической и клинической среде, но и за ее пределами, в неспециализированных институциональных сферах [5; 6]. Этот процесс экспансии психологии в социум носит глобальное значение, так как его последствия отражаются в социальной онтологии и антропологии.

Нарастающее проникновение психологии в общество меняет логику взаимодействия между индивидами и структурами: социальные проблемы все чаще интерпретируются в связи с личными психологическими проблемами индивидов; общественные институты реорганизуются для внедрения новых форм терапевтического управления; оформляется «индустрия счастья», занимающаяся маркетингом товаров и услуг для психического здоровья; меняются представления о повседневном опыте и способах социального взаимодействия.

Антропологическое же влияние психологизации менее очевидно, но не менее важно. Современный человек – это homo psychologicus, как определяет его J. De Vos [7, p. 2], то есть индивид, априорно живущий в пропитанной психологическим знанием среде и воспринимающий психологию как центрального посредника во взаимодействии человека с самим собой, другими людьми и миром. Так реальность заменяется на мир взаимодействия с видами поведения, проведения коммуникационных обменов и даже редкого столкновения с подсознанием [7, p. 2-3], а сам человек становится раздвоенным. Психологическая оптика разделяет современного субъекта на две части – смотрящего и рассматриваемого, предлагая ему занять экспертную позицию для анализа собственного психологического двойника, не упоминая при этом о том, что психологическое теоретизирование не тождественно непосредственной реальности и превращение себя в психолога рискует обернутся утерей связи с собственной субъективностью [7, pp. 10-12].

«Идентичность» в риторике общественных движений как способ влияния на homo psychologicus

Теория психологизации современного общества позволяет сформулировать один из ответов на поставленный выше вопрос: общественные движения современности предпочитают формулировать свои идейные и политические позиции с использованием термина «идентичность», потому что их цель – это влияние на современного homo psychologicus, а потому они выбирают наиболее близкую ему риторику, риторику с использованием психологической терминологии.

Подобный ответ, однако, не кажется достаточно удовлетворительным, ведь в таком случае общественные движения оказываются всего лишь прагматичными пользователями психологизации, не чувствующими на себе ее последствий и не являющимися ее несознательными акторами. Но что, если сами феминизм, ЛГБТ-движение и экоактивизм также являются невольными агентами и жертвами этого процесса? В таком случае использование слова «идентичность» маркирует погруженность общественных движений современности в психологическую реальность и оперирование психологическим мышлением.

Так, важнее становятся не выявление прямых причинно-следственных связей, а поиск ответа на следующие вопросы: что такое психологическая истина? На какой образ мысли мы соглашаемся, обращаясь к психологическим понятиям? Какова реальность, подразумеваемая психологическим дискурсом? А главное – что говорит об общественных движениях современности их обращение к психологизированной риторике?

Специфика психологического мышления, по М. Фуко

Логика психологического понимания мира исследована в работах М. Фуко, который отталкивается от того, что институционализация психологии в XIX-ом веке в рамках развития судебного производства позволяет выявить ее внутреннюю связь с осмыслением опыта безумия в классическую эпоху и попыткой сокрытия этого безумия в последующей психологической и психиатрической практике [8, с. 400].

Так, психологическое мышление зиждется в первую очередь на новом представлении о соотношении человека с собственной истиной: человеческое бытие более не характеризуется через отношение к истине, а само наделяется ею, «собственной истиной», «открытой вовне и одновременно потаенной». Эта трансформация закономерно отражается и на понимании соотношения субъективного и объективного: объективность признается допустимой и обладающей смыслом только постольку, поскольку она выражает собой нечто субъективное, несмотря на то, что последнее позиционируется как недоступное восприятию [8, с. 613-618]. Подобный отказ от абсолюта и объективности выливается в функционалистскую форму релятивизма, когда восстановление связи индивида с миром уступает место соотношению его с ним самим и с его собственной природой [8, с. 382].

На первый взгляд кажется, что подобная установка на новую доступность внутреннего мира человека для обыденного сознания должна привести к углублению человеческих взаимоотношений в силу лучшего понимания людьми друг друга. Однако, это не так, ведь исторически психология является областью знания, выстроенной по схеме фамильной власти, о чем пишет Фуко.

Цель всякой семьи – это воспитание функционального индивида как части «диспозитива». В случае же неудачи этого воспитательно-образовательного проекта семья обращается к «пси-функции», то есть дискурсу, институту и/или самому психологическому индивиду, которые должны «рефамилизировать» индивида, то есть снова дисциплинировать его и вернуть под власть семьи. Связывая выпадение индивида из «дискурса» с бессилием семьи, психология не выходит за рамки фамильной власти, а конституирует и формирует «истину семьи» [9, с. 105-107]; истину, в которой недисциплинируемый индивид равен безумцу или младшему члену семьи и должен подчиняться авторитету взрослого-разумного как «господствующей силы» и «собственной будущей участи» [8, с. 572-573]. Так главной целью психологической власти становится «интенсификация реальности как власти» и «интенсификация власти» как реальности [9, с. 220], а значит, тотальное смирение взбунтовавшегося индивида.

В конечном счете, логика психологического мышления признает и вводит субъекта в реальность, подразумевающую 4 основных аспекта:

1) реальность воли другого предполагает признание другого (в первую очередь, психолога) источником власти, превосходящей «безумца»;

2) реальность идентичности приписывает обязательность анамнеза, то есть реконструкции истории и болезни, и невозможность отрицания имени, прошлого и биографии;

3) реальность болезни выстраивается вокруг невозможности отрицания безумия и последующего вскрытия в нем заблуждения;

4) реальность потребностей, обмена и труда обрамляет все это взаимодействие безумца с психологом и касается техник, денег и потребностей, выстроенных в систему обменов и выгод [9, с. 205-207].

Психологическое мышление как форма мысли и власти общественных движений современности

Концепция психологизации современного общества и представления о психологической власти позволяют заключить, что распространенность обращения к «идентичности» в современной общественно-политической риторики является признаком психологического мышления или психологизации массовой коммуникации. Наделение бытия значимостью в зависимости от выраженности в нем субъективной истины, функционалистская концентрация на связи индивида с ним самим и его природой, лавирование между объективным и субъективным с интенцией акцентуации последнего – все эти выделенные Фуко признаки прослеживаются в идеях феминизма, ЛГБТ-движения и экоактивизма и намекают на их стремление к реализации психологической власти. В таком случае обращающееся к термину «идентичность» общественные движения следует рассматривать как форму фамильной власти, однако, логика его разворачивания все же не аналогична той, что была описана в работах Фуко.

Истина семьи для общественных движений современности может быть лаконично выражена в следующем тезисе: семья привела к появлению дисциплинарного, но нефункционального индивида, так как он далек от своей собственной субъективной истины. В данном случае общественные движения пытаются разбить связь между дисциплинарностью и функциональностью индивида, преследуя цель его дефамилизации. Этот отрыв от семьи не стоит, однако, понимать как отказ от истины семьи, ведь само общественное движение преследует цель создания нового «диспозитива», а значит, новой семьи (вспомним частую апелляцию в дискурсивной практике феминизма, ЛГБТ-движения и экоактивизма к родству и общности). Так дефамилизация оказывается всего лишь первым шагом к новой фамилизации с сокрытием господства под уважением к субъективной истине. Подобная спаянность в риторике и практике общественных движений современности психологии и идеологии фактически делает их похожими на психологизированную семью: семью, которая стремиться создать дисциплинарного индивида, но вместе с тем берет на себя обязанности «пси-функции», то есть надзора за степенью его нормальности и применения мер по его повторному воспитанию.

Обращаясь к аргументам от психологии, общественные движения современности фактически стремятся реализовать все инструменты власти пси-фукции, то есть стремятся интенсифицировать реальность как власть и власть как реальность, что выражается в утверждении 4 аспектов реальности (следуя логике Фуко и переосмысляя ее):

1) реальность воли другого: представитель современного общественного движения вместе с тем психолог занимает позицию источника власти, превосходящей «безумца»;

2) реальность идентичности: причастность к общественным движениям современности требует анамнеза идентичности, который становится материалом для поиска патологии, а также инструментом фиксации социальной идентичности индивида для его последующего политического выступления в публичном пространстве; не причастные к движению люди также воспринимаются представителями общественных движений с позиции их возможного анамнеза, описанного с позиции их типизации на основании ряда социально-культурных критериев;

3) реальность болезни: человеку необходимо признать зараженность идеологией (патриархат, гегемония, культ потребления и т.д.), а затем осознать ее как болезнь и заблуждение;

4) реальность потребностей, обмена и труда: недостаточно оставаться верным движению на идейном уровне, а необходимо быть вовлеченным, как минимум, в информационный обмен.

Вместе с тем степень откровенности, которую подразумевает данный процесс, позволяет в общественных движениях современности также усмотреть то, что Фуко называет «новой пастырской властью», которая является основой современного государственного управления. Производная от христианства новая пасторская власть формирует новую форму «индивидуации», то есть процесса становления личности, который строится по трем основным принципам. Первый принцип подразумевает аналитическую идентификацию, то есть наделяет власть компетенцией разделять поступки на праведные и неправедные в любое подходящее время. Второй принцип подразумевает подчинение, но не через прямое насилие или принуждение, а через сеть суждений, центрированных вокруг служения всех всем. И, наконец, третий принцип – субъективация – утверждает приоритет отношения к внутренней, а не к признанной истине [10, с. 171-173; 11, с. 14-15].

Так, несмотря на то что содержательно общественные движения современности выступают против доминирующей власти и/или культуры, их методы все же не чужды современному государственному управлению, в котором психологическое знание играет роль регулятора недисциплинируемых индивидов под маской «лечения от заблуждения». Представители общественных движений в таком случае занимают позицию не только психолога как фигуры власти, но морального судьи, о чем говорит особый исторический интерес психологии и ее институционализация вокруг категорий «вина», «ответственность», «преступление» и «наказание».

Выводы

Подобное положение пастыря новой семьи с особой формой господства с опорой на психологическое мышление, с одной стороны, управленчески выгодно, а с другой, порой ставит под угрозу успешность самого этого идеологического проекта.

Во-первых, психологическое мышление замыкает общественные движения в рамках логики нормы и патологии [12, с. 55-56]. С одной стороны, она позволяет представителям движения занять позицию судьи, определяющего нормальное и ненормальное. С другой же стороны, эта же логика тесно связывает сам дискурс с негативностью, от которой невозможно оторваться, чем ставит под сомнение возможность его существования в конструктивистском ключе, в ситуации отсутствия идеологического противника.

Во-вторых, психологическое мышление ставит общественные движения современности в позицию невозможности высказать однозначное суждение. Причиной тому служит свойственный психологическому знанию язык отчуждения, который в апелляции к критике и самокритике оказывается неспособным согласовать субъект и объект, внутреннее и внешнее, элементы пережитого и элементы научного знания, хотя имманентно к этому стремится [8, с. 619]. Для общественных движений современности это означает постепенное погружение в споры без надежды на достижение истинного знания.

В-третьих, форма фамильной власти и обращение к семье как к источнику дисфункциональности индивида, как кажется на первый взгляд, является путем освобождения индивида от заблуждений «диспозитива», когда на самом деле у этой логики есть и оборотная сторона. Как справедливо указывает Фуко [8, с. 531-532], все, что удается сформулировать в качестве истины о человеке, сразу же делает его невменяемым, наделяет невинностью. Так апелляция к осознанности, свойственная общественным движениям современности, в рамках семейной истины вполне может упереться в нежелание индивида признать вину и взять ответственность в силу того же психологического анамнеза, к которому призывает само общественное движение.

Таким образом, рассмотрение обстоятельств использования термина «идентичность» в риторике общественных движений современности позволяет обнаружить парадокс такого дискурсивного языкового решения: слово «идентичность» (наряду с другими понятиями психологического дискурса) позволяет общественным движениям современности в целях освобождения индивида занять по-

зицию актора психологической власти, что для самого индивида становится очередным механизмом порабощения, ведь интерпретация его поступков и их осуждение осуществляется представителями общественных движений на основании анамнеза идентичности индивида и ее оценивания как нормы или патологии.

Библиография:

1. CHESTERS, G., WELCH, I. *Social Movements: The Key Concepts*. London; New York: Routledge, 2011. 208 p. ISBN 0-203-41352-0.
2. ГОНЧАРОВА, К. «*Идентичность» в дискурсивной практике современных общественно-политических движений.* В: *Studia Universitatis Moldaviae*. 2024, nr. 3(173), p. 174-180. DOI 10.59295/sum3(173)2024_23.
3. MORAN, M. *Identity and identity politics: A cultural materialist history*. In: *Historical Materialism*. 2018, vol. 26, is. 2, pp. 21-45. ISSN 1465-4466.
4. ФУКО, М. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: A-cad, 1994. 407 с. ISBN 5-85962-021-7
5. NEHRING, D., KERRIGAN, D. *Thin Selves: Popular Psychology And The Transnational Moral Grammar Of Self-Identity.* In: *Consumption Markets & Culture*. 2018, pp. 1-23. Available: https://www.dylankerrigan.com/uploads/2/4/3/4/24349665/thin_selves_popular_psychology_and_the_transnational_moral_grammar_of_self_identity.pdf [Accessed: 05.01.2025]
6. MADSEN, O. J. *Psychologisation And Critique In Modern-Day Western Culture.* In: *Social And Personality Psychology Compass*. 2014, vol. 8, is. 5, pp. 193-200. DOI 10.1111/spc3.12103.
7. VOS, J. de. *From Panopticon To Pan-Psychologisation, Or, Why Do So Many Women Study Psychology?* In: *International Journal Of Zizek Studies*. 2008, vol. 2, is. 1. Available: https://www.academia.edu/4131974/From_Panopticon_to_Pan_psychologisation_or_Why_do_so_many_women_study_psychology/ [Accessed: 05.01.2025].
8. ФУКО, М. *История безумия в классическую эпоху.* Москва: АСТ, 2010. 689 с. ISBN 978-5-17-060345-9.
9. ФУКО, М. *Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 450 с. ISBN 978-5-02-026920-0.
10. ФУКО, М. *Интеллектуалы и власть: Часть 3: Статьи и интервью 1970-1984 г.* Москва: Праксис, 2006. 320 с. ISBN 5-901574-53-2.
11. МАКАРЕНКО, В. П., АМРО АЗЗАМ, Х. М. *Пастырская власть: концепт Мишеля Фуко*. В: *Политическая концептология*. 2018, № 2, с. 6-17. DOI 10.23683/2218-5518.2018.2.617.
12. ФУКО, М. *Рождение клиники.* Москва: Академический проспект, 2010. 252 с. ISBN 978-2-8291-1247-9.

Данные об авторе:
Ксения ГОНЧАРОВА, докторант, Молдавский государственный университет.
ORCID: 0000-0002-0144-0265
E-mail: goncharova.xenia@gmail.com

Получено: 10.03.2025